

RS

Russian Studies

Etudes Russes

Russische Forschungen

**Ежеквартальник
русской филологии
и культуры**

1995 | 2

Санкт-Петербург

ОГЛАВЛЕНИЕ

СТАТЬИ

<i>Б. Н. Путилов</i> (С.-Петербург). Из наблюдений над звуковой организацией эпического стиха	5
<i>А. Либерман</i> (Миннеаполис). Поэтический мир Лермонтова	30
<i>Б. А. Кац</i> (С.-Петербург). К полифоническим иллюзиям русских поэтов	46
<i>М. А. Золотоносов</i> (С.-Петербург). ЗК: Загадки криминально-идеологического контекста и культурный смысл (<i>окончание</i>)	112

КОММЕНТАРИИ

<i>И. А. Доронченков</i> (С.-Петербург). Орфей в раю (Стихотворение М. Кузмина "Катакомбы" и живопись раннехристианских подземелий)	158
<i>А. Л. Никитин</i> (Москва). "Мексиканец" на сцене московского "Пролеткульта" (Новые материалы о С. Эйзенштейне)	188

ОБЗОРЫ И ПУБЛИКАЦИИ

<i>П. Л. Вахтина</i> (С.-Петербург), <i>Л. Б. Вольфцун</i> (С.-Петербург): Архив Российской Национальной библиотеки. Обзор	206
<i>Т. Г. Иванова</i> (С.-Петербург). Американская фольклористика о русском фольклоре (Обзор литературы за пять десятилетий). <i>Статья первая</i>	236

ПЕРЕПИСКА ФИЛОЛОГОВ

Из переписки <i>А. П. Скафтымова</i> и <i>Ю. Г. Оксмана</i> . Предисловие, составление и подготовка текстов <i>А. А. Жук</i> (Саратов). <i>Публикация В. В. Прозорова</i> (Саратов) . . .	255
---	-----

РЕТРОСПЕКТИВНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

<i>В. Е. Кельнер</i> (С.-Петербург), <i>Д. А. Эльяшевич</i> (С.-Петербург). Евреи в художественной литературе на русском языке (Материалы к библиографии книг и брошюр. 1890—1947)	326
--	-----

Русские книги гражданской печати XVIII в. в фондах научно-справочной библиотеки Российского Государственного Исторического Архива (продолжение). Публикация <i>Е. К. Авраменко</i> (С.-Петербург)	366
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>В. И. Коровин</i> (Москва). История русской поэзии в концептуальном изложении	387
<i>И. А. Коновалов</i> (С.-Петербург), <i>Е. А. Голлербах</i> (С.-Петербург). Вечно царское Tsarsкое	404
<i>Г. В. Краснов</i> (Коломна). "Проблема автора" в изданиях Удмуртского университета	409
<i>В. М. Маркович</i> (С.-Петербург). После постструктурализма. О книге Вольфа Шмида "Проза как поэзия" и некоторых аспектах современной ситуации в литературоведении	413
<i>Т. Л. Никольская</i> (С.-Петербург). Якобсон-Будетлянин	430
<i>Б. Ф. Егоров</i> (С.-Петербург). Обзор ценных материалов из архива князя В. Н. Тенишева	436
<i>В. Б. Кривулин</i> (С.-Петербург). "Русский акцент" в психоанализе	439

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ

Эстония. Русская почта (Таллинн). Петрозаводск. Тульские известия. Балтийская газета (Рига). Кавказский край (Нальчик). Кавказская здравница (Пятигорск)	450
--	-----

ХРОНИКА

Воронеж. Одесса. Псков. Ростов-на-Дону. С.-Петербург. Саратов	456
---	-----

СТАТЬИ

Б. Н. Путилов
С.-Петербург

Из наблюдений над звуковой организацией эпического стиха

Определяющей особенностью эпического нарратива (былинного, юнацкого или гайдуцкого эпоса) является то, что он реализуется в форме пропеваемого стиха. Если содержательной основой всякой эпической песни выступают сюжет и совокупность мотивов, его образующих, а также комплекс характеристик персонажей; если другая содержательная сторона — это эпический язык со своей определенной системой, — то материей эпической песни, обеспечивающей движение сюжета со всеми его подробностями и реализацию эпической грамматики, оказывается пропеваемый стих. Важнейшая непосредственная задача певца в процессе воспроизведения эпического текста — это выстроить стих за стихом, чтобы передать содержание песни на ее собственном языке. Отсюда для эпосоведения одной из существенных выступает проблема организации эпического стиха. Она включает ряд аспектов: исследование ритмики (в единстве с музыкальной природой эпоса); анализ композиционного строения стиха и стихотворных блоков, а в связи с этим — в целом грамматики эпического стиха; выяснение способов переходов от стиха к стиху и от блоков к блокам; исследование структуры типовых конструкций и способов включения в движущийся нарратив эпических формул, *loci communes*, постоянных сочетаний и других элементов традиционного эпического языка; рассмотрение случаев нарушения эпической грамматики; выявление и анализ разнообразных форм звуковой организации внутри стиха и в стиховых блоках.

Подход исследователя к проблеме организации эпического стиха должен основываться на признании того, что в процессе исполнения певец, пропевая стих, выстраивает его как относительно завершенную единицу, а одновременно связывает каждый стих с уже пропетыми и с теми, которые будут пропеты. Многие структурные отношения стиха выясняются лишь при анализе связок, блоков. Это, однако, никак не избавляет нас от необходимости самого скрупулезного анализа стиховых единиц.

В данной статье внимание целиком сосредоточено на таком внутривстрочном анализе. Межстрочные звуковые отношения и связи должны составить предмет следующего анализа.

До сих пор относительно звуковой организации в былинных стихах преобладает точка зрения, которая нашла вполне определенное выражение в недавней работе Д. Самойлова: «Созвучия в былине возникают в результате грамматического параллелизма в строении его ритмических отрезков <...>

Созвучия произвольно возникают из параллелизма грамматических форм. Не будь этих совпадений, не было бы и созвучий <...>

Случайная грамматическая рифма былин — результат их композиционного строения» (Самойлов 1982: 12—13).

Между тем, уже В. М. Жирмунский, основательно исследовавший былинную рифму в ее обусловленности былинной грамматикой и ритмикой, обратил внимание на случаи, когда рифма появляется вне зависимости от ритмико-синтаксического параллелизма и даже оказывается не связанной морфологическим параллелизмом: «В этой форме, конечно еще зачаточной, опять-таки утверждается искание одинаковых созвучий независимо от синтаксического и морфологического параллелизма» (Жирмунский 1975: 413).

На следующих страницах своей работы В. М. Жирмунский рассматривает факты концевых созвучий такого типа. Но он обнаруживает также рифмы начальные и срединные в соседствующих стихах, а также «цезурную» рифму, объединяющую середину стиха с окончанием, и «случайные внутренние рифмы», отно-

сящиеся к «явлениям инструментовки былинного стиха, его стилистики» (Жирмунский 1975: 421—424). Здесь исследователь ставит точку, переходя к другим темам. Мы же обратимся как раз к элементам звуковой организации былинного стиха, которые синтаксикоморфологическими и ритмико-композиционными факторами прямо не обусловлены и могут квалифицироваться как чистые искания в сфере звуковых соотношений. Полагаю, что искания такого рода изначально присущи поэтическому творчеству, они отличают его от любой другой формы вербального искусства и входят в ряд его органических признаков. Другое дело, что сам характер, конкретные выражения таких исканий, объем их и классы достигаемого в этой сфере зависят как от специфики данного вида поэзии, так и от возможностей и свойств естественного языка, на котором эта поэзия создается.

Хотелось бы предварить результаты проведенного анализа некоторыми соображениями, относящимися к методике работы.

Для скрупулезного анализа стихов и выявления в них разного рода звуковых соотношений требуются тексты, не вызывающие сомнений со стороны точности и полноты записи. В имеющемся материале приходится делать строгий отбор. Доверия заслуживают записи А. Д. Григорьева, многие записи экспедиций советского времени, опубликованные в академических изданиях. Более критического подхода требуют тексты А. Гильфердинга и Н. Ончукова. Приходится отложить в сторону записи П. Н. Рыбникова. Лишь единичные извлечения можно делать из сборника Кириши Данилова.

У читателя может естественно возникнуть вопрос о статистической стороне нашего анализа. Сразу же должен внести ясность: никакими точными и даже приблизительными данными относительно степени распространения форм звуковых соотношений, обнаруженных в былинных стихах, я не располагаю. Забегая вперед, скажу, что все эти формы не составляют в былинных текстах какой-либо системы, то есть они не возникают регулярно, не повторяются с периодичностью. Одна форма может многократно встретиться в тексте, но отсутствовать в других. Вопрос о частоте

употребления нами не рассматривается. Точно также за пределами нашего внимания остается вопрос о связи той или иной формы со стилем сказителя, с особенностями местной школы и т. п. Можно лишь утверждать, что описываемые далее формы не есть формы единичные, исключительные: независимо от частоты употребления их смело можно называть типичными, характерными для былинного стиха.

Получение данных о частоте, систематичности употребления форм упирается еще в техническую трудность работы. Выявление звуковых соотношений требует особого чтения — предельно медленного, «под микроскопом», многократного перечитывания отдельных стихов. Сама фиксация обнаруживаемых фактов требует специальной техники. В целом — это трудоемкая работа, если приходится проводить ее «обычными» способами. Если бы мы располагали компьютерным банком по былинам, мы могли бы теперь, опираясь на уже полученные результаты, создать соответствующую программу и провести фронтальное обследование текстов, получив полные данные по каждому типу соотношений и, что немаловажно, обнаружив различные корреляции. При нынешнем способе работы один былинный текст требует несколько часов анализа, и нет никакой уверенности, что скрытый в нем материал выявлен до конца: глаз исследователя несовершенен.

Еще один существенный вопрос касается надежности наблюдений, основанных на чтении текстов, на зрительном восприятии письменных изображений текстов, в живом бытовании произносившихся, пропевавшихся. Говоря о звуковых соотношениях, мы имеем в виду соотношения фонем, а в случае с былинами — еще и пропускаемых через музыкальное исполнение. Конечно же, буквенная передача, как бы ни старались записывающие, не может передать всей тонкости живого звучания. При всем том необходимо иметь в виду, что в пении былин слова и слоги произносились отчетливо и гласные не редуцировались. К тому же, если в записанных текстах мы обнаруживаем несомненные закономерности в звуковых соотношениях, то какие основания у нас сомневаться в объективности их существования и подозревать, что они представляют некую

самостоятельную, независимую от живых текстов, конструкцию? Конечно, некоторая доля загадочности остается — как и вообще загадкой оказывается вся совокупность элементов организации письменного выражения поющего текста. В нашем случае мы сталкиваемся с громадным числом разнообразных созвучий, анализ которых позволяет выстроить типологические ряды, созвучий, отличающихся подчас сложностью, изысканностью, изощренной тонкостью, что исключает отнесение их к явлениям случайным, произвольным. С другой стороны, меньше всего следует искать в этих явлениях результат чьей-то сознательной, направленной творческой воли: закономерность вовсе не исключает естественности, бессознательности творческого акта, приводящего к подобного рода результатам.

Обратимся теперь к выявленным видам и формам внутристриховых фонетических созвучий.

1. Один из самых простых видов — наличие внутри стиха, подчас в опорных его пунктах (хотя это не обязательно), повторяющихся элементов — слоговых или межслоговых. Повторения могут падать как на ударные, так и на безударные позиции, Это очень важно, поскольку касается не только данного вида созвучий. Гласные при пении былинных стихов сохраняют полноту независимо от позиции в стихе.

НагнаНО-то силы мНОго мНОжество

Трижды повторенное НО (в двух случаях с усилением — МНО) дополняется двукратным повторением НА в первом слове.

Да спустил КОня КО полотну КО белому.

И здесь, кроме трижды повторенного КО, дважды повторяется ЛО и — в сочетаниях с разными согласными — трижды У.

НАливАЛА чАру зелеНА виНА да в полторА ведра.

Через весь стих проходит инструментовка на А (девятикратное повторение!), и к этому добавляется трижды повторенное НА. Внимательный взгляд обнаружи-

вает в стихе и другие — неполные — созвучия: ВА-ВИ-ВЕ, АРУ-ОРА-РА и АЛИ-ЕЛЕ (чередования, о которых будет специально речь идти ниже). Тем самым возникает целая гамма звуковых соотношений.

Процитированные стихи — формульные, и мы видим, как стилистическая константа получает звуковое подкрепление.

Домой пошЛА САМА запЛАкаЛА

Слово «сама» здесь несомненно включается в ряд звуковых соотношений ЛА.

Посмотрел-ТО под востОчНУю ведь сТОрОНУ.

Троекратное повторение ТО (а в двух случаях — СТО) дополняется еще и двукратным НУ. Но здесь же находим особый вид созвучий — «обратные» или, по терминологии Д. Самойлова, «перемещения»: ОТ-ТО и СМОТР-СТОП (см. о них специально ниже).

Вот еще несколько простых случаев:

Как скрыЧал Илья да зЫЧным голосом;
ПРИходит он к цаРИце;
Видно СТОит там СТОльный Киев-град;
Он выдернул чингалища буЛатное.

Появление в стихе двух пар созвучий, конечно, усиливает его звуковую упорядоченность:

СХОД-ИЛась погОда сИЛЬная

(при этом созвучие усиливается от наличия близких согласных: ХОД-ГОД).

Подбор созвучий дает очевидную внутреннюю рифму:

ДАРЯТ ЦАРЕЙ и ЦАРЕвичев.

Очевидное созвучие ЦАРЕ дополняется самостоятельным троекратным АР и троекратным же чередованием АРЯ-АРЕ-АРЕ.

КрЕСТ на ворота шЕСТи пудов.

Рифма КРЕСТ-ШЕСТ усиливается промежуточным ОРОТЕ.

Да подДУМАл он ДУМУ да промеждУ собой.

К очевидным созвучиям добавляются еще два ДА.

А рУСА у ей КОСА до шелкова ПОЯСА.

Изысканность этой рифме придают несовпадения гласных У-О-Я. Во всех вариантах этой формулы рифма сохраняется: А рУСА-де КОСА была до ПОЯСА; Как рУСА-то КОСА у ей до ПОЯСА; А рУСА КОСА у ее до шелкова ПОЯСА.

ТОЛЬко в ПОЛЕ пыль стОЛбом стоит.

Рифма, возникающая от тоекратного чередования ОЛЬ-ОЛЕ-ОЛ, словно бы оттеняется (и, конечно, усиливается) перебивающим его ЫЛЬ (одновременно возникает сочетание ПОЛЕ-ПЫЛЬ) и дополняется созвучиями ТО-СТО-СТО (особенно в сочетании СТОЛБОМ СТОИТ).

А и тут ВасеньКА сКАКАл, АКИ сОКОл слетал.

Морфологическая рифма СКАКАЛ-СЛЕТАЛ дополнена целым пучком фонетических созвучий и чередований: КА-КАКА-АК-ОКО. СКАКАЛ рифмуется с сочетанием СОКОЛ СЛЕТАЛ и одновременно находит рефлекс в позициях перед (ВасеньКА) и послé (АКИ).

Сходный случай:

Как ЖИВУт-то МУЖИчки да все разбойнички.

В первую очередь слышится морфологическая рифма МУЖИЧКИ-РАЗБОЙНИЧКИ, но она по-настоящему звучит лишь на фоне фонетического перемещения ЖИВУ-УЖИ.

Аналогично этому в стихе: ДЕРЕВЕНЩИНА ты, ДЕТИНА, засельЩИНА очевидная морфологическая рифма укреплена не столь бросающимися в глаза парными созвучиями ДЕ-ДЕ и НА-НА.

В стихе: Я ХОлост-де ХОжу да нежонат брожу элементарная рифма ХОЖУ-БРОЖУ перебивается и словно бы подчеркивается противостоящим ЖО и подкрепляется сочетанием ХО-ХО.

В большинстве приведенных случаев прослеживается

тенденция к «комбинированной» звуковой организации стиха, осуществляемой через ряд прямых и обратных звуковых соответствий, через рефлексy, парные созвучия и т. д.

2. Безусловно с формульностью эпической речи связано обилие прямых фонетических созвучий в устойчивых (чаще парных) сочетаниях:

а) в самостоятельных семантических единицах: ТЕЛО БЕЛОЕ, ЛАТЫ буЛАТные, могуЧИ плЕЧИ, пуШКи-муШКеты, стОЛы оКОЛЬные, уМОм МОлода, соБАка БАтур БАтвесов, раздОЛЬице чисто ПОЛЕ;

б) в составе выражений: МАЛО спАЛОсь, смЕТу нЕТ, уШИСТУ-ПУШИСТУ, прямоезЖЕю дороЖЕНЬкой, буйНА ГОЛОВА испРОЛОмаНА, РОДОм есть из ГОРОДА, БУдет БУйну..., хоБОТОМ БЬЕТ, говОРИла ТУт ТУРИца, опуСТИл теТИвочку, пТИцы на свеТИ, ОТ ПАНА ОТ ПОГАНОГО, приходИЛ ДаниЛО, все на ПИР СОБИРАлись, на СВОЮ ВОЛЮ, полоЩЕт их в дниЩЕ.

3. Наряду с прямыми фонетическими созвучиями обнаруживаются в устойчивых (чаще парных) сочетаниях созвучия (или «противозвучия»), основывающиеся на «обратных» соотношениях («перемещениях»):

а) самостоятельные семантические единицы ЛЕБеДь БЕЛая, КАЛЕНА стрЕЛА, ДОБрый молОдец, СИЛушка вЕЛИкая, ДОБры кони БОгатырские, ПАЛица буЛАТная, дуБОВЫЙ грОБ, РЕтиво сЕРдцо, тетиВОчка шелк ОВАЯ, ЛЕто БЕЛО, утрОБА БОгатырская, ВОДКИ ДВОРЯнские, молОденький ДОБрынюшка, дЕНЬга НЕхоженная, стОЛы БЕЛОдубовые, плЕЧА могуЧЕго, БЕЛОГО ШОЛку, РОСТОм выСОка;

б) фразовые элементы: разГОРЕлось сЕРдце, хВАстает сЛАВным, обеМА́ руКАМ, цЕНЫ НЕ было, сидИТ пТИца, кипАрис РАстет, ВИдели ДИВо ДИВное, пЕРчатки в ПОДАРЕньице, сТАновите вы шАТры, а дЕРЖите караулы кРЕПкие, ПОДАРОцьки наПРАВлены, ишША стал НАШ, выНОсила ОНА, С КОМля СОК, приУДАрить НАДО, наКЛАДывАЛ, распЛАкаЛся, выТАЩИЛ чинжалИЩЕ, САМ ПОСМАТривал, по НАСТУ тянут, а не знаЕМ по иМЕНИ, вЕДЬ Десяточком, сЛОВА выМОЛвить, говОРИла РОдна матушка, сруБИТЬ БУйну голову, с МЕСТа на синЕМ море, скорБИла она ЛИцо,

по сЕНной копНЕ, со ВСЕго белá СВЕта, плАМя МА-
шет, смЕРти пРЕдам, иНО будет ОНА.

в) Приведу целиком стихи со случаями перемещений.

Ай-да приносят мне БОяра жалОБу.
Выходил-де СТАРой да из бела ШАТРа

(с замещением С-Ш и дополнительным чередова-
нием ИЛ-ЕЛ, ДЕ-ДА).

А и месТО было по ОТчине.
Ко тому приДВОрью ко ВДОВИному.
потому у мня НЕТУ платья цвЕТНОго

Примеры стихов с тройным перемещением: будЕТ
ТЕбе оТЕц, стОЛа бЫЛО оКОЛЬНОго.

НасмотрЕЛ две БЕЛых две ЛЕбедушки.

Выделенные перемещения расширяются в двух слу-
чаях до БЕЛ-ЛЕБ и более того — до ДВЕБЕЛ-ДВЕЛЕ-
БЕД.

Случай цепевидного «обратного» соответствия, созда-
ющего особенное созвучие:

СТОит-то КОСтя — не крянется.
Стоит-то КоСтЯ — не крянеТСЯ.

Добавим к этому созвучие ТО-ТО и рефлекс КОС-
ТЯ-КРЯ.

Вариант стиха в том же тексте:

Стоит креСтный — не крянеТСя.
Стоит КРЕСтный — не КРЯнется.

В результате двойного созвучия КРЕСТНЫЙ-КРЯ-
НЕТСЯ воспринимается как неточная рифма.

Не доехАВШИ да стал выслУШИВАТЬ.

Тоже несомненный случай былинной рифмы.

И сКОчили сО ДОбрых КОней с молОДОй женой.

Кроме выделенных созвучий выявляется неточная
рифма КОНЕЙ-ЖЕНОЙ, образуемая перемещениями
ОНЕЙ-ЕНОЙ.

Перемещения нередко оказываются в составе «ком-

бинированных» созвучий, играя в единой звуковой организации стиха свою роль.

А на правом ПЛЕЧЕ сидИТ пТИца КРЕЧЕта.

Здесь и прямое созвучие ЕЧЕ-ЕЧЕ, и чередование Р-Л, и традиционное замещение П-К, и перемещение ИТ-ТИ. К этому еще можно добавить переключку ПР-КР.

А поблекЛО-померКЛО красно солнышко.

К выделенному соотношению надо добавить перемещение ЛО-ОЛ-ЛО, обратное РК-КР, а кроме того — несмотря на трудности обоснования — конструируется неточная рифма ПОМЕРКЛО-СОЛНЫШКО.

ГДЕ ВЕДЬ пала леБЕДЬ белая,
Где ведь пала ЛЕБЕдь БЕЛая,
Где ведь ПАЛА ЛЕБЕдь БЕЛАЯ.

4. Не случайными, безусловно, оказываются многочисленные созвучия, основанные на переключке чередований гласных или согласных. Как правило, они сопровождаются дополнительными созвучиями, которые как бы проясняют их очевидность.

А ко тым ПАЛАТкам ПОЛОТняным.

Чередование АЛА-ОЛО выступает в обрамлении одних и тех же согласных, что порождает очевидную — неполную — рифму. Но в первой части стиха спрятано еще и перемещение: А КО ТЫМ — АТКАМ с чередованиями А-Ы и КО-КА.

Вот еще примеры чередования гласных + Л (и наоборот):

ПоКЛОн КЛАдет по-ученому,
ПАЛАты зашатаЛИся

(но здесь есть еще и чередование АТЫ-АТА).

Я жалЕшенько об нем плаКАЛА.
От ПОЛОтна от БЕЛОго;
Во те ЛИ ЛУга ЛЕванидовы;
ПАЛА она стрЕЛОчка на БЕЛЫ́ грудѣ.

Здесь чередование гласных + Л оттеняется двумя Р.

БрАЛИ шупАЛА жЕЛЕзные;
Добро жАЛОВать, удАЛЫ добры МОЛОдцы.

Дополнительными здесь выступают чередования ДО-ДА-ДО-ОД.

По повАЛУшкам стрЕЛЯет он сизых ГОЛУбей;
ДОЛЕТЕЛА стрЕЛОчка КАЛЕНая;
ПривЕЛИ его в ПАЛАту БЕЛОкаменну;
СОЛОман-от во чисто ПОЛЕ.
Якори-то бросАЛИ — брАЛА пошЛИну.

Здесь и начальное ОРИ подключено к тому же ряду чередований.

Еще из формульных выражений: сДЕЛАЙ повЕЛЕНное; зАЛАгайте ЛАВки.

Из этих примеров выявляется особая роль Л в комплексе видов звуковой организации внутри стиха.

Р может не просто выступать дополнительным элементом чередующегося ряда, но и само — в окружении гласных — оказываться равнозначным Л:

ПАРУса РОнили — брАла пошЛИну;
ГОРОд тот в полночь ПРОшли;
СтРЕлял малых ПЕРЕлетных СЕРЫх утушек.

Здесь чередование РЕ-ЕРЕ-ЕРЫ пересекается с чередованием ЕЛЯ-АЛЫ-ЕЛЕ.

ОКОЛО пяты да ВОРОбей летит.

ОЛО-ОРО выглядит подсказанной внутренней рифмой.

Да БЕРЕТ ведь царицу за БЕЛЫ руки.

БЕРЕТ-БЕЛЫ — неточная рифма, основанная на чередовании Р-Л. Кажется, созвучие подкрепляется наличием еще двух Р в стихе, а также переключкой ДА-ЗА, оказывающихся в симметричных позициях в стихе.

Конечно же, не случайны формульные сочетания: СЕР СЕЛезень, пуЛЯ быСтРАЯ, саБЛЯ востРАЯ, удАЛОЙ добРОЙ МОЛОдец, да и СТАЛ-то СТАРой.

Р + гласные могут в подобных сочетаниях выступать и самостоятельно: тРИ шатРА стоит; писАРЕв-пЕ-РЕписчиков; скОРО побегайте во синé МОРЕ; ГОРАМ АРАРАТским; скОРО-то ТАРАкашка заБИРАется.

НаБИРАла МАРИна БЕРЕмя дРОВ;
 Да того же ОРла, котОРОЙ на синём МОРЬ;
 По гОРницам стрЕлял вОРОбышков;
 В семи ОРдах семи КОРОлям;
 СМЕРть ПРИшла да сЕРЕди двОРА;
 ОпЕРИл я этим пЁРЬЕм тРИ стрЕлы.

Встречаются чередования, создающие созвучия, с опорой на другие согласные: гвОЗдочки пОЗОлоченные, сУМОчка скОМОрошная, пОВОды шелкОВЫЕ; невЕЖА непохОЖАя, дАНИ-пошлиНЫ, ЛИТЫ-ЛЮТЫ звери, ГУБЫ не надОБНЫ, схВАТИл тАТАрина, ОБОшел СОБАка Калин-царь, гОВОрила такОВО слОВО, ВО те ли луга ЛЕВаниДОВЫ, остатНее именЬе дружИНЕ хороброей, от ЖИвого МУЖА ЖЕну отнять (чередование дополняется еще инструментовкой стиха на О — в окающем наречии она особенно слышна).

Вот замечательный пример, когда каждое слово стиха дает свой вариант чередования:

УтОРЬИл эту дОРОженьку старОЙ старИк.

И к этому есть усиление — переключка Т-Д и СТ-СТ, а также обратное созвучие УТО-ЭТУ.

5. Эффект созвучия, вплоть до внутренней рифмы, возникает всякий раз, когда сочетаются однокоренные слова в разных грамматических формах. Различие этих последних избавляет от полных рифм, осложняя и уточняя характер созвучий. Можно заметить, что нарочитость несовпадений подчеркивается разными приставками.

а) Имя с глаголом.

То возРОСТили до полного до возРАСТа.

Чередование однокоренных О-А в рифмующихся словах не снижает силу созвучия, зато эффектно выглядит на фоне девятикратного повторения в стихе О.

В том же СТОЛе СТОЛовати стал.

Корневыми соответствиями здесь не ограничивается звуковое скрепление стиха: в начале к ним добавляется чисто фонетическое созвучие ТОМ-ТОЛ, а в конце — СТАЛ, опять же эффектно нарушающее инструментов-

ку стиха на О и создающее рифму СТОЛ-СТАЛ с дополнительным обратным созвучием АТ-ТА.

ПоХВАЛЬбами все поХВАЛЯлися;
УХВАТит бревно в ОХВАТ толщины;
ОтГАНи-тко три мои заГАДки;
ТЫЧками к берегу приТЫКалися.

Из формульных сочетаний: ОДЕвал себе ОДЕжицу, поНОС понЕСла, не ПЕЛЕНАй в ПЕЛЕНу, не ПОЯСы в ПОЯСЯ, оПЕРил я этим ПЕРЬем, УЗДал УЗду, СЕДЛал СЕДЕЛышко, МЕТи МЕЧет, наПИСали они заПИСи.

б) Существительное с прилагательным/причастием.

ДВОРЫ ДВОРЯнские, МОЛОДым МОЛОДечеством, ОРЛа сиза ОРЛовича, ПЛЕЧЬми ПЛЕЧист, ВЫСОКа ли ВЫСОТа, ГЛУБОКа ли ГЛУБОТа.

СИЛЬный хвастает своей СИЛюю.

б. Внутрстиховая рифма возникает от соседства слов, созвучие которых обусловлено не грамматикой, но в первую очередь чистой фонетикой.

а) Полные рифмы:

Их-то ГОЛОС к ГОЛОСУ, да ВОЛОС к ВОЛОСУ.
И не помНОЖЕЧКУ НОЖИЧКОМ порушиват.
А и БОЖЬЯ КРЕПко, ВРАЖЬЯ-то ЛЕПко.

б) Рифмы неполные, где заданность подбора слов особенно очевидна. Мы встречаемся здесь с различными случаями замещения.

Стрелят СОРОК, ВОРОН да за чужим ДВОРОМ;
А й говорил ему КОНЬ да во второй наКОН.
Зычным ГОЛОСОМ да во всю ГОЛОВУ.

Отсутствие звукового совпадения в последних слогах (СОМ-ВУ) компенсируется не только полным созвучием ГОЛО-ГОЛО, но также и переключкой ВУ с предшествующими ВО и ВСЮ, несомненно подкрепляющей рифму. Наличие таких не прямых подкреплений, переключек очень характерно для организации созвучий в былинах, в чем мы еще убедимся на дальнейших примерах.

Расхождения в рифмуемых через замещение словах

могут быть довольно-таки значительными, и все-таки мы ясно ощущаем установку на рифму.

А ко ЗАПАДУ красное, ко ЗАКАТУ.

ПАДУ-КАТУ становятся рифмами, когда совпадение гласных А и У подкрепляется сильным созвучием ЗА-ЗА, а также совпадением предшествующих обоим словам предлога КО и, наконец, немаловажным обстоятельством: рифма звуковая совпадает с рифмой семантической (ЗАКАТ — синоним ЗАПАДА).

Он КОНЕМ может владать да КОПЬЕМ шурмовать.

Здесь очевидны конечные грамматические созвучия, но все же нельзя сбрасывать со счета созвучие с замещением КОНЬ-КОПЬ и несомненную семантическую рифму: КОНЬ и КОПЬЕ в данном контексте находятся в одном ряду — как главные боевые средства богатыря.

Он ЗАВИДЕЛ всё на тихой-то ЗАВОДИ.

Отличный пример безусловной рифмы с замещенными гласными.

В формульном сочетании «под воСТОЧНУЮ он СТОРОНУ» рифма обеспечивается созвучием СТО и соответствием НУЮ-НУ. Собственно, лишь усечения Н и Ю делают рифму неточной.

7. Особый тип составляют созвучия, обрамляющие стих, т. е. те, которые возникают в начале и в конце стиха. Они могут не иметь никаких рефлексов внутри, и стих со стороны звуковых отношений опирается лишь на них одних, хотя столь же обычным является наличие других, соседствующих или подкрепляющих созвучий.

а) *Созвучия прямые.*

СТАл он силушку конем топТАть.

(дополнительное созвучие — ОН-КОН).

СТАл он малых змеенышев поТАптывать.

(И здесь есть дополнительное созвучие АЛ-АЛ и перемещение ТА-АТ.)

И УДАРИл он богатыря по белым гРУДЯм.

(Отметим еще перемещение с замещением: ТЫРЯ-РУДЯ.)

ГОВорит тут князь Владимир такОВО слово.

(Случай дублирования в конце стиха обрамляющего созвучия. Кроме того, перемещение РИТ-ИРТ).

ПО УТру по раннему вставала млада ПУТЯтична.

(Созвучие внутри стиха АЛА-ЛА).

А ПИСАли они да ярлыки ти скороПИСЧАты.
А как КОРабельщики ходят по городу по КОРсуню.

(К этому добавляется еще созвучие КОРА-ГОРО).

А как СОЛОВей сидит — то я, удалый добрый МОЛОдец.

(Созвучие в конце стиха усиливается от чередования ДА-ДО-ОДЕ).

И наЧАЛ играть в гуселки яровЧАты.
ОХОЧ ездить молодец был за ОХОТкою.
И СЕЛ Он на палаты БЕЛОКаменны.
ОН ведь падал ле Дюк во второй наОН.
ОН скакал тут ведь Дюк дак на добра коНЯ.

(Скромное обрамляющее ОН почти теряется на фоне сочетаний с чередованиями: КАКА-ДЮК-ДАК-АК).

ПОЛЕТЕЛа даЛЕче во чисто ПОЛЕ.

(Редкий случай, когда обрамление находит в середине стиха прямой и обратный рефлекс ЛЕ и ЕЛ).

б) *Обрамляющие обратные, с перемещениями.*

Из желТЫх ли песков да курева ЛЕТИт.
Да САМА ЛИ царица подЫМАЛАСЯ.
ГоВОрит Святогор да он ПРО себя.

(Слабо ощущаемое перемещение дополняется сильной внутренней рифмой ГОВОР-ГОР: о рифмах такого типа — ниже).

в) *Созвучия типа неполной, неточной рифмы.*

Ишша БРАЛ БЫ, уздал да коня ДОБРОГО.

(Есть еще внутренняя рифма БРАЛ-УЗДАЛ и прямое созвучие с чередованием: ДА-ДА-ДО).

Не ВОРОТмы ехал — через стену ГОРОДовую.
А ПОД ВЫшиночку ли палицу ПОКИДЫВАТ.

(Здесь рифма образуется путем сложной операции: ПОД-ПОКИД — типичный случай усечения; ВЫ-ЫВ — перемещение).

В стОРОНОЧКУ полУНОЧНУ.

(ОРО-ОЛУ — типичное чередование, НОЧКУ-НОЧНУ — характерное замещение; кроме того есть переключка СТО-ПО, находящихся в симметричных позициях).

Обрамления могут принимать форму чрезвычайно тонких, трудно уловимых при чтении звуковых соответствий. Рискуя вызвать сомнения, я все же приведу несколько таких случаев.

РАНО зазвонили ко заутРЕНЯм.

(Чередование дополняется обратным соответствием АН-НЯ и еще одним чередованием ОНИ.)

А и ШИРОКО раздолье — перед печью ШЕСТОК.

(Рифма ослабляется за счет «лишних» О в первом слове и С во втором. В такого рода усечениях часто в былинном стихе прячутся очевидные рифмы).

И ГЛАДКИе мхи пересКАКИвал.

(И здесь рифмовке «мешает» Д, — убрав его, мы получаем богатую рифму).

В приведенных примерах дело заключается не в степени очевидности созвучий, а в самой тенденции к соотносению начала и конца стиха по звучанию. Даже самые слабые и отдаленные созвучия важны именно тем, что отражают данную тенденцию как один из устойчивых принципов организации былинного стиха. Обрамляющие созвучия придают стиху завершенность, самостоятельную законченность, — и в этом их главный конструктивный смысл.

Поразъехались с раздольца чиста Поля.

(Хотя начальное и конечное ПО заметно сразу, его недостаточно для звуковой обрамляющей задачи. Она осуществляется через чередование АЛИ-ОЛЫИ-ОЛЯ. Укреплению стиха, конечно, способствует дважды повторенное РАЗ. Так, обрамлению бывает необходима поддержка середины стиха.)

ОНА КЛАЛА святу книгу на АЛТЫН-КАМЕНЬ.

(Взаимосвязь выделенных слов распутать нелегко, здесь мы имеем переплетение прямых и обратных соответствий; наиболее очевидные: АЛ-АЛ, НА-НАА, ЛА-ЛА-АЛ, АК-КА. Здесь есть и чередования ОНА-ЫН-ЕНЬ и даже чередования полностью перемещенные ОНАК-ЫНКА.) По-видимому, решает здесь не взаимодействие отдельных отмеченных элементов, но совокупность отношений. Такого рода «эксперименты» в былинном стихе свидетельствуют о необычайных возможностях его звуковой организации.

Еще один пример сходного типа:

НА АТЛАСЕ он ПИСАЛ, НА ПЛИСЕ-БАРХАТЕ.

(Предлог НА лишь знак начала цепи звуковых соотношений. АТ находит отклик на самом конце стиха, зато ЛАСЕ возвращает нас назад — к сочетанию ЛИ-СЕ. Не столь очевидное, оно связывается промежуточным ПИСАЛ, от которого прямой переход ко всему слову ПЛИСЕ. Таким образом, стих организуется по принципу непоследовательного сложения разорванных элементов.)

ОТБИРАЛА эти черны КОРАБЛИ.

(Созвучие возникает не из прямых или обратных соответствий, а из «рассыпанных» элементов: выделенные слова состоят — за вычетом Т и К — из одних и тех же фонем, которые находятся в разных, в том числе и «перевернутых» сочетаниях, тяготея при этом к взаимной переключке: ОБИРАЛА-ОРАБЛИ).

ВЫНОсила она книгу на буйНОЙ глаВЫ.

(Выделенные элементы соотносятся по принципу перевернутой связи: нетрудно обнаружить возможность полной рифмы ВЫНО-ВЫНОЙ. Звуковая упорядоченность стиха подкрепляется еще наличием чередований БИНО-ОНА-УНА-УЙНО.)

ЗАРЕВЕли молодцы по-ЗВЕРИному.

(Одни и те же звуки комбинируются по-разному.)

ШЛЮПки на воду спускали — брала ПОШЛИну;
Она СТАвила своих да крепких СТОрожев;
Уж как ВСЕ на пиру пьяны-ВЕСЕлы;
А зЛО несчастье, братцы, состояЛОся;
Не приМАТ тут Василий зЛАТА-серебра.

8. Есть основание выделить и специально рассмотреть достаточно представительный ряд случаев особо усложненной и утонченной звуковой организации стиха, результатом которой оказываются эффектно выглядящие внутренние рифмы.

Не ХИТРА твоя МУДРА загадка ХИТРОМУДРАЯ.

Сначала появляется достаточно явная рифма ХИТРА-МУДРА, а затем из объединения обоих слов возникает глубокая конечная рифма.

РаспечАТывал собака БАТур БАТвеев.

Помимо очевидного созвучия и отчасти внутри него возникает — благодаря наличию в первом слове соответствующего элемента — сочетание АТ-АТ-АТ, а благодаря наличию другого элемента во втором слове созвучие БА-БА-БА. Благодаря двум усеченным рефлексам основного созвучия складывается законченная звуковая структура стиха в целом. Перед нами — случай «экономной» операции, типичной для былинного стиха.

Мыла меня мамЕНЬКА в баЕНКЕ.

Основная рифма дополняется еще общим А в предшествующих слогах. Но главное — в нее вклинивается созвучие МЕНЬ, образуемое, с одной стороны, усечением рифмы, а, с другой, внесением «своего» элемента М.

Брал ДОБРА коня ДОБРЫнюшка.

Внутри основного созвучия обособляется, благодаря элементу начального слова, свое: БРА-БРА-БРЫ.

Он СКОрешенько СОСКОчит СО белой груди.

Центральное по положению в стихе СОСКО созвучно второй своей частью с начальным СКО, а первой — с последующим предлогом СО. Расщепление опорного элемента оказывается не прямолинейно-последовательным, но перекрестным.

Мы уже видели, что усечение как самостоятельная операция рифмообразования и в сочетании с другими типично для былин.

ГОВОРИТ СвЯТОГОР.

Неполнота рифмы создается усечением ВО. Но здесь есть подкрепляющие элементы: ИТ-СВЯТ. Они стоят рядом, но ИТ находится после рифмуемого, а СВЯТ — перед.

КО ТОМУ ко терему высоКОМУ.

Рефлекс усеченного элемента ТО в форме чередования ТЕ обнаруживается в середине стиха, а трехкратное МУ цементирует стих.

Из первых ПОДКОпов я ПОВЫСКОчу.

Здесь налицо скрытая внутренняя рифма с усечением (ВЫ) и замещением Д-С. Усеченное ВЫ обнаруживает переключку с ВЫ в начальном слове стиха.

А ОТ ТОГО от правого от стремечка булАТнОГО.

Троекратно повторенные ОГО, шестикратное Т, сочетание прямого с обратным ОТ-ТО-ОТ-ОТ-АТ, инструментовка на О, выделение в середине стиха сильных элементов ПР-ТР создают напряженный поверхностный звукоряд. Но внутреннюю основу его составляет неточная рифма с усечением Н. Кстати, именно усечение избавляет стих от угрожавшего ему звукового однообразия.

А й У тЫХ ли у шатров У белЫИХ.

Усечения здесь обнаруживаются в обоих рифмующихся элементах.

Аналогичные случаи мы имеем в следующих сочетаниях: ПОдНЯть ПОгоНЯлкой, приЕхАЛИ ко рЕЛИ (здесь, конечно, есть еще созвучие ХА-КО).

Повели ИЛЬЮ да по чисту ПОЛЮ.

Неточная рифма с усечением обогащается перемещением-чередованием ЕЛИ-ИЛЬЮ. Следует учесть, что усечение ВЕЛИ соответствует позиции в стихе слову ЧИСТУ (и созвучно с ним через ПО) и тем самым обеспечивается одинаковость позиций рифмующихся элементов. Последнее соображение немаловажно: ведь рифма — не просто факт созвучия, но важный момент организации стиха.

Он и ПРОСИТ У князя СУПРОТИВника.

Лишь на первый взгляд опорным в стихе выступает укороченное созвучие ПРО. На самом деле созвучны выделенные сочетания; россыпь составляющих фонем обнаруживает порядок перемещений: после изъятия элементов ПРО остается сочетание СИТУ-СУТИ, очень существенное для поддержания звукового единства стиха.

РаСПЕЧАТЬвал ярлыки скороПИСЧАТЫ.

Выделенные элементы различаются начальными перемещениями СПЕ-ПИС и, конечно, положением ударений, но это не препятствует тому, что они образуют неточную рифму, даже с учетом еще одного отвлекающего мотива — усечения ВАЛ.

Как бы ЛИСТ со травю прИСТИЛается.

Пример чистого перемещения. Легкое усиление созвучия — переключка находящихся в симметричных позициях СО-СЯ.

Станем мы СТРЕлять за три вЕРСТы.

Очевидные перемещения сами по себе значили бы немного, не будь в стихе рефлексов тех же элементов

в соответствующих позициях: СТ в начале стиха и словечка ТРИ — в конце.

СОРВАЛ В РАНЫ КРОВАВЫЕ ЛИСТОЧИКИ МАКОВЫ.

Здесь лишь «листочики» оказываются выключенными из внутрстиховой звуковой связи. Весь звукоряд состоит из перемещений и усечений, что порождает игру и столкновение оттенков. А внутри этих созвучий возникают свои, выступая сокращенными их вариантами: КРОВАВЫЕ-МАКОВЫ и КРОВАВЫЕ-МАКОВЫ.

ЧТОБЫ СТОЯЛИ БОЧКА О БОЧКУ БЛИЗКО-ПОБЛИЗКУ.

Здесь два независимых один от другого звукоряда.

Вся масса рассмотренных здесь случаев фонетических соответствий извлечена мною из вполне случайно выбранных текстов. Я убежден, что дальнейшая выборка даст множество примеров аналогичного плана. Явится множество вариантов. Кстати, интересно было бы провести сравнительный анализ вариативных формул, выражений, фразовых конструкций со стороны звуковой. Не исключено, что в ходе дальнейшей работы обнаружатся случаи, не подпадающие под предложенную здесь систематику, и потребуются выделение новых классов.

Однако и тот материал, которым мы располагаем, достаточен, чтобы сделать выводы о наличии определенных закономерностей.

Основной вывод заключается в том, что в организации былинного стиха в его классических формах определенную роль играет феномен направленных, неслучайных, заданных внутренними потребностями эпоса фонетически обусловленных созвучий.

Другой вывод — созвучия эти классифицируются в зависимости от способов образования, характера взаимодействий, силы проявления, роли в структуре стиха.

Наблюдения, относящиеся к былинам, я решил проверить в самом предварительном плане на болгарских юнацких песнях. Выбор определился, в частности, наличием очень хорошо записанных, надежных во всех отношениях текстов. Мною были просмотрены бук-

вально единичные тексты (Романска 1971). Результаты превзошли мои ожидания. Я без особенных усилий подобрал примеры, соответствующие тем, которые были обнаружены в былинных текстах.

1. Наличие внутри стиха, подчас в опорных его пунктах, повторяющихся звуковых элементов.

поДАДЕ им студЕНа ВОДица;
 ПроговАРАт три але АРАпа;
 МАРе МАРко, МАРе добър МАРко;
 Први синдЖИР се отБИР момчета;
 Сабля туРИ коню у гРИвата;
 Ка НАстаНА у гора зелеНА;
 Та донЕСЕ СЕдемдЕСЕ;

2. Фонетические созвучия в парных и других сочетаниях: непозНАт юНАче, незНАйне юНАче, девЕТ спрачЕта, ДАЛ си ДАЛек, бели куЛИ, руСАта коСА, МАРко доМА неМА, студЕНО кладЕНце.

3. Созвучия обратного порядка: чЁРна стРЕла, КРАли МАРКО, тРИ синдЖИРа, ВИта гРИВа, стаРЕц белоБРАзи, самодИВа ВИла, РИТна поРТИ, двоИЦА юНАЦИ.

Вот примеры целых стихов со случаями перемещений:

Конь подКАРА млади КРАли МАРКО;
 И ЗА тебе прАЗна алка има!
 На се Марко под МУСтак УСМИна;
 Па ДОпЛАдне стока проДАвали;
 Що ми ТРОПаш ПОРТИ демирни?

4. Чередования: през МЕНЕ МИНАла; и проВЕла ДЕВЕТ сирочета; ЛЕЛЕ, горо, ЛЕЛЕ, ЛИЛЯнова.

5. Сочетания однокоренных слов: лоша СРЕЩА СРЕТна, тамо РОБе отРОБило, СЛАНа оСЛАНИла, СЕКира поСЕЧе, СБОР се СБИРа, ЧУДОм заЧУДИла, БОРБа да си БОРим, ДРЕМка подрЕМала, поБОЛи се Гюро БОЛен БОЛник.

6. Не найдено.

7. Обрамляющие созвучия.

ПРОкараа три синджира рОбе.

Здесь отмечены также чередования: РО-АРАА-РИ-ИРА-РО.

ОсвОБОди три синджира рОБЕ.
А МАРко си на калугер дУМА.
Та соГЛЕДА Момчилица МЛАДА.
МАРКО шета по Скопе шиРОКО.

Отметим дополнительное созвучие ШЕ-ШИ в «обратных» по отношению к рифмуемым элементам позициях.

8. Сложные случаи.

ДНЕс вЕНчана веднаг заробЕНа.

Но в этом же стихе обнаруживаются созвучия ВЕ-ВЕ, НА-НА-НА, чередования АНА-ЕНА.

НА РАМО МУ свилена МАРАМА.

(Знакомый уже нам случай широкого перемещения с замещением гласных.)

ПРАВО ВЪРВи у МаРКОВИ двОРИ.
БЯЛО ПЛАТно БЕЛАТ.
ПРЕРЯЗА го ПРЕЗ сРЯд СРЕдата.
А МАЙКЯ си МАРКА уговАРЯ.

МАЙКЯ-МАРКА — неточные рифмы с замещениями (Й и Р). В конце стиха сочетание АРЯ оказывается частью рефлексом второго слова (АР), частью — первого (Я).

АРно, шАРко, МАРка да ми пазиш.

Рифма АРО-АРО-АРО оказывается спрятанной за замещениями. При этом возникает еще и дополнительная рифма АРКО-АРКА.

Вот пример стиха, построенного на перемещениях трех пар созвучий:

ТАком БОга, поБРАТиме Марко.

(Третье перемещение — РА-АР.)

В стихах, где упомянуто имя Марка, нередко воз-

никает система прямых созвучий перемещений и чередований АР-РА-РО:

ПРОговАРЯ КРАлевичо МАРко;
 РАЗлюти се КРАлевики МАРко;
 Я чу лесно МАРка да превАРим;
 Я ти тебе, МАРко, дАРба нечу;
 ГРАди МАРко девет манастиРА;
 Яна МАРко това вРАно конче.

Уже после того как представленный здесь материал был собран и соотнесен с материалом русских былин, я познакомился с работой Ст. Стойковой, посвященной той же проблеме (Стойкова 1970). Статью Ст. Стойковой следует расценить как первый и чрезвычайно удачный опыт современной трактовки вопроса и пересмотра прежних взглядов: предшественники ее были убеждены в отсутствии рифмы и других видов созвучий в юнацких песнях. Как показал анализ Ст. Стойковой, рифмы и аллитерация — частые гости в юнацких песнях, хотя появляются они как будто случайно. Среди наблюдений автора наше внимание привлекают прежде всего те, что относятся к созвучиям внутри одного стиха. Выделяются среди внутренних рифм такие, которые объединяют последние слова полустижий (типа: Мома Рада от белаго града; Бога вази, педесе гавази), и те, что встречаются во втором полустижии (типа: Марко знае влашки арбанашки; Нигде нема у гора избора).

Отмечаются также случаи неполных рифм: от лени малеми; гласи от небеси.

Ст. Стойкова устанавливает частое употребление рифмы в сочетаниях формульного типа (общие места): С игла шила, та ги е ранила; Промени се, моме, нагласи се. Рифма характерна и для имен: Злата от Арвата.

Значительны наблюдения автора и относительно аллитераций: их много, и они возникают спонтанно. Из обилия примеров выделю: Личба личи низ града воз града; Болен Божко болен лежи; Камо мене от мермера калдръм; Яла, Маро, Марку леб да носиш.

Характерно, что аллитерации присутствуют в сочетаниях существительных с эпитетами (ситна сиротиня,

бели белезици; дребни рубета), а также в сочетаниях однокоренных существительных и глаголов (личба личи, зора зазори), однокоренных глаголов и наречий (рано рани, смиом смее), даже однокоренных существительных (хала халятина).

Я был рад найти в статье Ст. Стойковой подтверждение некоторым из моих наблюдений. Полученные пока результаты убеждают, что разнообразие созвучий внутри стиха (а также и между стихами, как показывают другие страницы работы Ст. Стойковой) — не случайность, но одна из характерных особенностей юнацкого (как и русского) эпоса, и дальнейшее изучение этого явления весьма желательно, в частности — подключение к анализу юнацких и хайдуцких песен сербско-хорватских.

Библиография

Жирмунский 1975 — Жирмунский В. М. Теория стиха. Л., 1975 (первое изд. — 1923).

Романска 1971 — Български юнашки епос. Научен руководител Цв. Романска. София, 1971.

Самойлов 1982 — Самойлов Д. Книга о русской рифме. Изд. 2-е. М., 1982.

Стойкова 1970 — Стойкова Ст. Към проучването на българския народен стих: Ритми, алитерации и повторения в българските юнашки песни // Изследвания в чест на акад. Михаила Арнаудов: Юбилеен сборник. София, 1970. С. 391—400.